

24/5/90

Мережко В

— Приглашение в эту рубрику свидетельствует об интересе к известной и популярной личности. Не возражаете против такого подхода?

— Немножко смущает, особенно эпитеты. Но если честно признаться самому себе, можно обнаружить, что стремление к известности и популярности, присущее очень многим людям, не чуждо и мне.

— В целях взаимопонимания и всяческой тактичности предлагаю разобраться со всем этим терминологическим хозяйством. Скажем, я четко знаю, что вы очень хороший сценарист, но в погоне за эффективностью могу затянуть: «Вы знаменитый и прославленный драматург...» А вы мне укоризненно процитируете: «Быть знаменитым некрасиво...» и т. д.

— Быть знаменитым — черта характера, несколько агрессивный человеческий плюс. Себя я считаю известным, а не знаменитым. Известность — умеренная знаменитость. Знамениты Е. Евтушенко, А. Невзоров, А. Собчак, а Г. Попов известен.

Все это тяжело достается и так же тяжело длится. Скажем, драматургу надо постоянно поддерживать добытую репутацию, подтверждать цену, которая тебе назначена людьми. Когда становишься узнаваемым, на тебя начинает влиять какая-то другая условность: прославился веселым — будь добр поддерживать реноме; если имел успех в качестве глупого, не умничай и впредь. Модель настолько давит, что становится сутью, особенно у актеров.

Конечно, я остаюсь драматургом, это моя главная, любимая и по-настоящему необходимая профессия. Но роль ведущего «Кинопанорамы», хоть я и понимаю, что она временная, стала как-то вторгаться в мою сущность и отворовывать что-то от главного, от чего оно становится если не ущербным, то надкусанным. Студии и театры обращаются ко мне с прежним интересом, но зрители и даже коллеги — как и ведущему. Кто-то из друзей говорит: «У меня картина снята, вставь в «Кинопанораму». Или звонят: «Витя, у меня премьера, приди». Раньше он не звонил и не приглашал, я ему был не нужен, а теперь нужен. Иногда даже злится. На моей премьере, на картине «Под небом голубым», удивительно интересно снятой В. Дудиним в Белоруссии, кинематографистов в Доме кинематографистов практически не было. Я никого не спрашивал: «Почему ты не пришел?». Но желание спросить возникает все чаще: «Почему я должен к тебе ходить, а ты не считаешь своим долгом прийти на мою премьеру?»

Разумеется, готова вместе с режиссером и редактором будущую передачу, и я мог бы вставлять в нее что-то, о чем просят друзья, но не иду на это принципиально. Прошло больше года работы на ТВ, а блатных кусков не было. Не хочу давать себе возможность быть покупаемым.

— Судя по вашему внутреннему покою на экране, по критическим выдержкам из писем, которые зачитываете, и по собеседникам, которых приглашаете, уж не говоря о ваших и их текстах, — вы смелый человек. Как ваш телевизионный коллектив добрался до бывшего директора Чернобыльской АЭС?

— Нам очень помогло МВД. Для меня это интервью было гражданским поступком. Сейчас каждый человек, имеющий возможность сделать или сказать хоть что-то полезное для ситуации в стране, должен использовать такую возможность, особенно по «ящику» — сразу на десятки миллионов людей. Это счастье, я вам скажу, и самая важная черта популярности... Брюханов, конечно, виноват, но не настолько, чтобы числиться главным виновником. Он стрелочник. Над ним стояло столько людей, что не он руководил, а им руководили...

— Потом было интервью с Говорухиным.

— Мне иногда казалось, что он слегка позирующий экстремист, но в этом разговоре он просто поразил меня своим тихим отчаянием от понимания безвыходности всего, что узнал о стране. Я чувствовал себя священником, исповедником. Для меня разговор с этими собеседниками был не менее важен, чем для них. Грех не использовать преподнесенную судьбой возможность хоть чуть-чуть помочь кому-то. Есть замечательное письмо, в котором меня благодарят за то, что несу успокоение, и это несравнимо приятней, чем то, что узнают на улице.

— Часто узнают!

— Изредка даже просят автограф. В магазине чуть чаще улыбаются.

— А дефицит дают!

— Я стараюсь не ходить по дефицитам, но иногда, к сожалению, приходится. А вообще у нас странная ситуация в магазинах — товаров еще меньше, а хамства еще больше.

— Поскольку продавщицы в основном женщины, что вы думаете об этом как знаток женской души?

— Чтобы понять это, не обязательно быть знатком, да я себя им и не считаю, хотя такая репутация за мной действительно утвердилась. Я не знаю женщин, я их понимаю, а это разные вещи. Я понимаю, как им трудно. Женщина создана для того, чтобы быть любимой, а условий для этого нет... Посмотрите на мою Ксюшу (это его полугаика, свидетельница всей нашей беседы. — Д. С.) — чем она хороша и почему? Она совершенно справедливо требует: «Если хочешь, чтобы я была такой, какой нужна тебе, покорми и приласкай». И получает все, что нужно, и радуется, и любит. Так и с женщинами. Только любовь общества и любовь мужчины делает женщину по-настоящему красивой. И счастливой.

— Святые слова. Лично мне, как и остальным женщинам, больше ничего не нужно, чтобы осознать абсолютную закономерность ваших успехов и зрительской признательности — любовь за любовь, внимание за внимание, преданность за преданность...

По-моему, популярность — это взаимность. Ваша началась с кино. Сколько фильмов поставлено по вашим сценариям?

— Больше 30.

— К каким вы относитесь предпочтительнее!

— Мое мнение часто совпадает с мнением зрителей. Мне нравится «Здравствуй и прощай» В. Мельникова, где снимался О. Ефремов и сыграли свои первые роли Л. Зайцева и Н. Гундарева, «Вас ожидает гражданка Никанорова» Л. Марягина, «Родня» Н. Михалкова.

Сильный резонанс среди интеллигенции вызвали «Полеты во сне и наяву» Р. Балайна. Я запомнил письмо от молодого человека из Хабаровска. Он писал, что в день, когда хотел расстаться с жизнью, случайно обратил внимание на афишу с этим странным названием и пошел в кино, а, выйдя оттуда, решил, что бу-

ЛЮБОВЬ ЗА ЛЮБОВЬ

Гость рубрики — драматург Виктор Мережко

дет жить. Такое письмо — счастье для автора. Потом была картина «Прости» с Н. Андрейченко, собравшая около 50 млн. зрителей. В роли дочери героини снималась моя дочь, и я сыграл эпизод.

— Очень неплохо сыграли, но вашей популярности в качестве киноактера мы посвятим следующую беседу. Какие фильмы по вашим сценариям готовятся к выходу на экран?

— Я уже говорил о картине «Под небом голубым». Она есть, но ее как будто и нет. Примитивно говоря, она о наркоманах, но на самом деле — о загубленных судьбах. Для меня это первый фильм трилогии об обездоленных.

Второй — «Собачий пир», снятый на «Ленфильме» Л. Менакером. Это странная мелодрама о любви спивающихся мужчины и женщины, о никому не нужных людях, лишенных смысла существования. К концу года надеюсь закончить и третью историю — о бездомных, 12-летней девочке и бывшем заключенном. Они помогают друг другу спастись. Это наиболее чистая, светлая и сентиментальная история из трех. Я вообще люблю сентиментальные истории.

— Я тоже, но то, что вы рассказали, можно, не видя, честь за дань «чернухе».

— Нет, это дань обездоленным.

— Вы объясняете обездоленность социальными причинами? Разве люди совсем не властны над своей долей?

— Виновато общественное устройство. У нас слишком мощное насилье системы над личностью. То, к чему стремилась Советская власть, состоялось — об-

разовался новый тип человека, доселе неведомый человечеству.

— Здесь возникает возможность долгого разговора, но я задам только один вопрос: чем, скажем, уж так сильно отличается наш бомж от их бомжа!

— Безнравственность. У нашего нет бога. У нас нравственность выжжена, и это делается до сих пор. Вот газета, в которой я прочитал о съезде Российской компартии в Ленинграде. Сейчас оттуда идет большая угроза нашим крохотным надеждам. У этого города тяжкая судьба — быть носителем разрушения, генератором всего наиболее негуманного и реакционного, как будто кому-то все время кажется, что в его почве еще недостаточно костей.

— Не могу не заметить, что при этом и кино не очень старательно смягчает нравы, не говоря уж о вселении надежд. Скажем, все видят тягу зрителей к умным, смелым, самостоятельным в суждениях телевизионным ведущим и комментаторам, но почему же в игровом кинематографе нет аналогичных героев? Почему ему интересней бомжи и алкоголики?

— Эту претензию себе я давно предъявлял сам. Да, от творцов должна распространяться аура добра. Возможно, герои 15-серийного детектива, сценарий которого я сейчас пишу, окажутся способными нести такой заряд в публику. В какой-то степени мне служат моделью Невзоров, Гдлян и Иванов. Мне очень нравится Невзоров, в нем есть характер и позиция. В бесчестном государстве он идет по кодексу чести. Это обнадеживает, поскольку, оказывается, возможно.

— Каким образом вы совмещаете все вышеперечисленное еще и с общественной деятельностью? Зачем вам это ярмо!

— Не знаю, но попытаюсь объяснить. Идет смена поколений. Я уже вошел в то, которое должно отвечать за тех, кто будет после нас. Коллеги-соратники начинают формулировать, кого бы надо двинуть чуть вперед, и неожиданно их перст останавливается на тебе. Ты начинаешь сопротивляться, а они говорят, что ты дезертир. Ты начинаешь убеждать себя в важности и нужности общественной работы и становишься вынужденным лидером.

Когда меня сделали главой оргкомитета Московской организации кинематографистов, я начал страшно беспокоиться, злиться и жалеть свое уходящее святое творческое время. Я всегда жил самостоятельно, дружил с узким кругом людей. Я не контактный человек, а вынужден был стать контактным и получил на этом большое количество недругов. Они сами выдвинули меня и тут же сами стали отторгать как потенциального начальника. Замкнутый круг. Внешние секретари очень много потеряли и как люди, и как кинематографисты оттого, что четыре года ходили в лидерах.

Отключиться от всего и от всех и работать, конечно, счастье. Эта возможность — одно из главных везений моей жизни. Если не удалось поработать, становлюсь раздражительным, невыносимым, срываю зло на домашних, цепляюсь, почему обувь не поставлена на место, ворчу: «Ваня, ты сделал уроки?», «Маша, куда ты идешь? Чтoб в 9 была дома!». А Маше, между прочим, 17 лет.

— М-да, знаток женской души...

— Так ведь что на улицах делается, тревожно же... Жена меня тоже упрекает. Прочитав в прессе мои рассуждения о женской доле, она так мягко-мягко говорит: «Вот видишь, как ты все хорошо понимаешь...»

— Виктор Иванович, я бы не сочла свой долг исполненным, если бы не выяснила подробности, касающиеся вашей популярной бороды. Понимаю, творческие работники, запустив бороды, говорят, что некогда бриться, дескать, и так сойдет, а вам ведь приходится тщательно выбривать свой шкиперский абрис!

— Это началось в 1967 году, когда я был на Львовском ТВ на практике. Очевидно, я выбрал Львов потому, что в свое время окончил там полиграфический институт. На этой практике мне захотелось стать телережиссером и я стал им, сняв какой-то бред... Именно тогда, чтобы казаться солиднее, я почему-то определил себе такую вот бороду. Она была черной, потом стала рыжесть, а теперь совсем белая. Мама говорила: «Сбрей, Витя, старым ты всегда успеешь быть...»

Думаю, любовь к женскому характеру началась у меня от мамы, человека удивительной судьбы, нравственности и отдачи. Нас у нее было четверо, и она делала все только во имя детей.

— Прошу прощения, я так откровенно предпочитаю кино театру, что совсем забыла спросить вас об этой сфере вашего творчества.

— Мне очень трудно пришлось вторгаться в театр, театральная элита долго не признавала меня. Теперь это, кажется, состоялось. А началось в рижском Театре русской драмы, поставившем три мои пьесы. Там 25 лет работал Аркадий Кац. Он сделал этот театр одним из лучших в стране. Если у автора, прошедшего через Ригу, репутация оставалась достаточно высокой, перед ним открывалась соответствующая перспектива... Сейчас мои пьесы играют примерно в 50 театрах страны.

— Один галантный француз сказал: «Есть тысяча способов заставить женщину говорить, но ни одного, чтобы заставить ее замолчать». Может быть, вы как женовед знаете все-таки хоть один?

— Любовь, конечно. Это самый тонкий инструмент в руках мужчины.

Беседу вела Дая СМЕРНОВА.

Фото А. Сизухина.